

УДК [069+069.158](470)»190/193»

Л. И. Сизинцева

МУЗЕИ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ЭКСКУРСИОНИЗМА
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Отечественный экскурсионизм как культурный феномен начал формироваться во второй половине XIX в. на волне интереса к природе и культуре, в стремлении разрушить барьеры, стоявшие между познанием и жизнью. Собственно, это явление было присуще не только России. Волна познавательных поездок на рубеже XIX – XX вв. охватила и Европу. Но там она очень быстро разделилась на два течения: коммерческое и некоммерческое.

С одной стороны, в Европе получил развитие молодежный туризм, экскурсии становились обязательным элементом школьных программ. Создавались молодежные общества путешественников, – такие, как, например, созданное в Германии в 1901 г. общество «Перелетные птицы» (Wandervogel). По их инициативе в 1910 г. был открыт первый хостел – дешевая ночлежка для молодых путешественников¹. Акцент делался на создании инфраструктуры, а не на предоставлении информации.

С другой стороны формируется туристский бизнес. Нищий баптистский проповедник Томас Кук, организовавший 5 июля 1841 г. первую в мире железнодорожную экскурсию, умер, оставив наследникам 2 497 фунтов, заработанных благодаря созданной им туристской фирмой, – немалая сумма для 1892 г.² С его именем можно связать не только первые туры, но и формирование турпродукта и туристские ваучеры. По сути, именно деятельность Т. Кука принято считать началом создания индустрии туризма. Напомним, что журнал, который он издавал с целью продвижения своих туров, назывался «Экскурсант» («The Excursionist»). Здесь самое время разобраться с терминологией.

«Экскурсия (excursion), – определяет современный петербургский теоретик туризма М. Б. Биржаков, – может быть предоставлена как экскурсанту, так и туристу, – кратковременный тематический маршрут с целью посещения достопримечательностей, иных объектов туристского интереса. Экскурсия имеет свои характерные признаки: тематику, упорядоченный маршрут, протяженность во времени, наличие экскурсовода или гида, заранее составленный текст экскурсии, процесс собственного показа, разумеется, подразумевается наличие самих участвующих – стало быть, экскурсантов. Функциональное предназначение экскурсии – досуг и отдых (leisure and pleasure), повышение культурного уровня, общение»³.

За сто лет до этого понятие «экскурсия» употреблялось применительно к поездкам с конкретной целью, безотносительно к длительности поездки. Вот образец подобного использования, взятый из газеты «Костромской листок» за 1903 г.: «29 января вернулась с экскурсии охотничья команда 245-го Солигаличского батальона под начальством заведующего его подпоручика Жадовского. Экскурсия продолжалась в течении 22 дней; прой-

¹ Александрова А. Ю. Из истории международного туризма // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 139-143.

² Коммерсантъ-деньги. 1999. № 41. С. 67.

³ Биржаков М. Б. Введение в туризм. М.; СПб., 2000. С. 110-111.

дено за это время всего 600 верст <...> Среди трофеев, принесенных с собою охотниками, находится редкий по размерам экземпляр медведицы»⁴. В конце XIX в. экскурсиями могли называть и загородные вылазки, отчасти похожие на пикник⁵, и речные прогулки, и «грандиозное путешествие с 97 учениками на Парижскую всемирную выставку, в Берлин, Дрезден, Прагу, Кельн, Швейцарию, Будапешт и др. города»⁶. Экскурсиями считались и плавание на паруснике по Финскому заливу⁷, и подъем в горы, организованный горным клубом⁸.

Таким образом, то, что сегодня ставится во главу угла – продолжительность (не более суток) и текст, поясняющий увиденное или происходящее, – первоначально не было определяющим в семантическом поле этого слова. Сегодня применительно к явлениям, стоявшим тогда за этим понятием, мы скорее бы употребили термин «туризм».

Многие исследователи истории туризма не учитывали этой особенности. Так, даже в защищенной недавно диссертации М. В. Соколовой «Туризм как культурно-исторический феномен»⁹ упоминаются в качестве туристских организаций лишь альпийские клубы и «Общество велосипедистов-туристов»¹⁰, использовавшее модный английский термин «туринг-клуб» (позже – Российское общество туристов, далее – РОТ). Так и получилось, что волна просветительских поездок по России и за границы империи, которые могли бы выявить специфику отечественных традиций туризма, осталась за рамками этого интересного исследования.

Это тем более обидно, что упомянутая в диссертации Комиссия образовательных экскурсий по России, созданная при РОТ, ничем не отличалась от подобных комиссий при Московском учебном округе, при Обществе распространения технических знаний и т.д. Все они брали на себя функции приема групп, организации ночлега и питания, иногда – сопровождения, в том числе и при посещении музеев, т.е. брали на себя обязанности туроператоров и турагентов, но – безвозмездно. В отличие от Европы, экскурсионное движение не привело к созданию сколько-нибудь значительной инфраструктуры, никого не обогатило. Отсутствие туризма как бизнеса сегодня воспринимается некоторыми как отсутствие или неразвитость туристских традиций в России вообще. Между тем рискну утверждать, что именно жертвенное служение всех участников этой большой работы, движимых идеалами просветительства, верой в абсолютную и неоспоримую силу научных знаний сделало экскурсионное движение феноменом российской культуры конца XIX – первой трети XX вв.

Необходимо заметить, что развитию экскурсионного движения в стране способствовали и государственные органы. В 1901 г. вышло специальное распоряжение Министерства народного просвещения, чтобы часы, затраченные преподавателями естествознания на проведение экскурсий, оплачивались специально, «5 руб. за городскую и 10 руб. за

⁴ Охотничья экскурсия // Костромской листок. 1903. № 14. 31 января. С. 2.

⁵ Вембер П. Школьные праздники (прогулки) // Русский начальный учитель. 1886. № 6-7. С. 331-334.

⁶ Белгородский А. В. Ученические экскурсии. Краткий исторический очерк значения и организации. Изд. 2-е. Б.м., 1916. С. 5-6.

⁷ Колокольцева Н. Г. К истории отечественной экскурсионной школы: реферативный обзор публикаций второй половины XIX – начала XX в. М., 1992. С. 48.

⁸ См., напр.: Записки Крымского горного клуба. Одесса, 1892. Вып. 2.

⁹ Соколова М. В. Туризм как культурно-исторический феномен. Автореф. дисс. д. культурологии. М., 2007.

¹⁰ Очерк пятилетнего существования Общества велосипедистов-туристов (Русского туринг-клуба) // Русский турист. 1900. № 3. С. 1-25.

загородную экскурсию»¹¹. Документ свидетельствует не только о широком распространении естественнонаучных экскурсий, но и о признании чиновниками их необходимости. Одновременно в распоряжении зафиксирована приблизительная норма числа экскурсий и распределения их по учебному году: «Если принять за среднюю норму число экскурсий в каждом из трех младших классов 12 (4 осенних, 6 весенних и 2 зимних), из числа которых 2 – 4 экскурсии (смотря по местным условиям) могут быть городские и 8 – 10 загородных, то вознаграждение преподавателю за экскурсии с одним классом выразится в сумме 100 – 110 руб. в год»¹². Так создавались условия для включения экскурсий, – пока что только естественнонаучных, – в школьные программы.

Одним из ведущих центров развития естественнонаучных экскурсий стало Санкт-Петербургское восьмиклассное коммерческое училище в Лесном. Оно было открыто 14 сентября 1904 г., первоначально – как мужское, в составе трех классов, а с 1906 г. туда стали принимать и девочек¹³. В нем преподавали педагоги, позже ставшие ведущими экскурсионистами страны – А. Я. Закс, Б. Е. Райков, Н. М. Соколов, В. А. Герд, И. М. Гревс и др.

Б. Е. Райков, проработавший в Лесном более десяти лет, с 1905 по 1917 гг., позже сформулировал основные принципы организации экскурсий в училище, которые были предложены как образец для всех учебных заведений страны. Главным тезисом стало положение об их тесной связи со школьной программой. «Экскурсия должна находиться в теснейшей связи с тем учебным материалом, который преподан на уроках, – писал он, – Задачей преподавания является или иллюстрирование и дополнение сведений, уже усвоенных учащимися, или сообщение им такого запаса личных впечатлений и наблюдений, которые в ближайшее время будут переработаны в классе, как подлежащий изучению материал»¹⁴.

При подготовке экскурсии важно определение ее цели: «Каждая экскурсия должна иметь совершенно определенное задание <...> «разбрасывание» на экскурсии или построение ее на случайном материале – прием совершенно непозволительный, который может дать самые печальные результаты <...> руководитель должен быть настолько знакомым с данной местностью и вообще расположением тех объектов, которые он собирается показывать, чтобы заранее построить и разработать во всех деталях тему экскурсии»¹⁵. Экскурсии были обязательными для всех учеников, и отношение к ним ничем не должно было отличаться от отношения к классным занятиям. Экскурсионной комиссией, которая была создана в училище во время его организации, был разработан план экскурсий. Их количество колебалось от пяти (в первом классе) до восьми (с третьего по восьмой) в год. План предполагал ближние (по городу и ближайшим пригородам) и дальние (Север, Урал, Малороссия, Кавказ, Польша и т.д.) экскурсии.

«Следуя этому плану, – продолжал Б. Е. Райков, – каждый выпуск учащихся в течение всего учебного курса проделывает 60 экскурсий, из них 56 однодневных и 4 многоднев-

¹¹ О вознаграждении преподавателей естественного образования за экскурсии с учащимися: Распоряжение Министра Народного просвещения от 20-го ноября 1901 г. за № 33 139 // Школьные экскурсии, их значение и организация / Под ред. Б. Е. Райкова. СПб., 1910. С. 323. (Педагогический ежегодник / СПб. Лесное коммерческое училище. Т. 2.)

¹² Там же. С. 323-324.

¹³ Ежегодник С.-Петербургского восьмиклассного коммерческого училища в Лесном. 1908 год. СПб., 1908. С. 23 второй пагинации.

¹⁴ См.: Райков Б. Е. Экскурсионный план средней школы // Школьные экскурсии, их значение и организация: Сб. науч.-пед. статей / под ред. Б. Е. Райкова. Пг., 1921. С. 89.

¹⁵ Там же. С. 90.

ных. Из этих 60 экскурсий – 9 проводятся в окрестностях Лесного, в непосредственной близости к зданию школы, 40 ставятся в пределах С.-Петербурга, и, наконец, 11 происходят вне городской черты и связаны с передвижением по железной дороге»¹⁶.

Финансовый вопрос организации экскурсий в Германии, где им также придавалось большое значение, решался, по словам О. Байера, благодаря поддержке многочисленных местных благотворительных обществ, органов местного самоуправления, родительских союзов, местных касс и т.д., что и позволяло использовать школьное экскурсионное движение для извлечения пусть и небольшой, но прибыли. В России эти формы не получили такого широкого распространения. Однако и здесь дирекция училища нашла выход, родительские взносы накапливались постепенно и расходовались предельно экономно. Несмотря на то, что родители учащихся были, как правило, небогаты, денежный взнос по 2 рубля в полугодие составлял непереносимое условие обучения в училище. Эти деньги можно было истратить только на экскурсии, которые на первых годах обучения почти не тратились в силу преобладания ближних экскурсий, а к старшим классам накапливалась определенная сумма, которой хватало на дальние поездки¹⁷.

По темам преобладали естественнонаучные экскурсии (половина от общего числа), 13 % составляли географические и 28 % – гуманитарные, причем последние преобладали в программе старших классов.

Таким образом, в начале XX в. все чаще экскурсии предполагали исследовательские и образовательные цели, приближаясь по значению к современному понятию «экспедиция». Не случайно книга В. В. Битнера, изданная в 1910 г., «Спутник экскурсанта», имела второе заглавие: «Руководство к собиранию естественно-научных коллекций, наблюдению природы, изучению исторических и археологических памятников и палеографических документов, организации экскурсий и других способов изучения родного края».

Именно в связи с этим направлением экскурсирования появляются школьные или образовательные музеи. В них либо выставлялись приспособления для подобных естественнонаучных экспедиций (сачки, ботанизирки и т.д.), либо были представлены результаты подобных походов (гербарии, коллекции бабочек, минералов или птиц). Именно подобные музеи имелись в виду, когда журнал, выходивший в Бессарабии (Бендеры, 1913 – 1915 гг.), назвала «Школьные экскурсии и школьные музеи».

Постепенно экскурсии стали включать и в изучение гуманитарных предметов, таких, как история, литература. В петербургском Тенишевском училище еще в 1902 г. была совершена поездка в Киев¹⁸. Однако в ту пору подобные экскурсии носили «несколько экспромтный характер», а сами местности «представляли для самих руководителей своего рода terra incognita»¹⁹. Со временем преподаватель и сам более тщательно стал готовить будущую экскурсию, прорабатывая курс с учетом будущих выездов, выстраивая логику поездки в соответствии с программой.

Посещение музеев становилось неотъемлемой частью таких поездок. Иногда сам преподаватель давал разъяснения. Так, преподаватель Тенишевского училища А. Сахаров предварял посещение Третьяковской галереи небольшой беседой. В ней давалась характеристика собрания, выделялись специфические черты живописи представленного

¹⁶ Там же. С. 99.

¹⁷ Там же. С. 100-101.

¹⁸ Образовательные поездки в средней школе / Тенишевское училище. Изд. 2-е, перераб. СПб., 1912. С. 15.

¹⁹ Там же. С. 10.

там периода, такие, как «аскетически-суровый, строгий», «гуманитарно-психологический характер»²⁰, связь с произведениями Н. В. Гоголя, И. А. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского. Но сам осмотр экспозиции ничем не напоминал современных экскурсий. «В дальнейшем обзоре следует индивидуальное знакомство с художниками; бродим вместе и в рассыпную; одни восхищаются Васнецовым, другие «кровью» у Репина, третьи спорят о «художестве» Верещагина. *Suum cuique*. Главное же, не следует утомляться на мелочах, а прямо обратиться к обозрению достопримечательностей галереи <...> Попутно я всегда делаю экзамен по портретам в знакомстве с замечательными деятелями России»²¹.

Но поездки часто захватывали незнакомые провинциальные собрания, а там впечатления и польза во многом зависели от того, кто давал пояснения в каждом из них. Большой частью музеи не имели штата сотрудников, создатель и хранитель музея сам встречал группы и давал пояснения. В Ростове Великом тенишевцев встретил сам основатель древлехранилища, Шляков: «мы были очарованы его любовью к родной старине, энергичной работой над ее восстановлением»²². В киевском историческом музее пояснения давал директор Беляшевский, «увлекающийся, главным образом, археологией. С любовью и знанием дела нарисовал он нам развитие культуры края от ее зачатков до настоящего времени. Из зала в зал, от витрины к витрине водил он нас, обращая внимание на все, что могло охарактеризовать рисуемую им эпоху»²³. Гораздо меньше повезло экскурсантам в Екатеринославле. Директор музея, Эварницкий, уехал на археологический съезд, «и “объяснения” давал служитель, от которого мы слышали довольно невероятные вещи: это – доисторические шаровары, а это доисторический крест и т.д.»²⁴.

Проще было, когда устанавливалась прямая связь между учебными занятиями и местным музеем, что позволяло говорить о непосредственном включении экскурсий в изучение предмета. Такой опыт описан А. В. Бакушинским, в 1916 г. преподававшим в московском Петропавловском училище. Он рассматривал различные способы сочетания школьного курса и экскурсий. В отличие от Б. Е. Райкова, молодой педагог не считал полезными ни урок-иллюстрацию, ни проведение урока в подходящей среде.

Первый из них, когда экспозиция служит непосредственной иллюстрацией урока, признан А. В. Бакушинским «наименее целесообразным, вследствие отсутствия у учащихся необходимой апперцепции. Нет у них достаточного запаса предварительно накопленного и усвоенного материала. Отсюда неизбежный недостаток интереса (изучаемые предметы слишком чужды и новы), глубины восприятия и проработки экскурсионного материала», другой опасностью становится «мертвое, чисто музейное восприятие объектов изучения»²⁵.

Второй способ, когда урок проводится непосредственно в залах музея или среди соответствующих монументальных памятников, имеет свои плюсы, среди которых главный – свежесть и яркость восприятия, но и минусы тоже: «Замечается обычно какая-то непрочность результатов, разбросанность впечатлений», потому что «материал курса не

²⁰ Там же. С. 253.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 266.

²³ Там же. С. 305.

²⁴ Там же. С. 313.

²⁵ Бакушинский А. В. Исторические экскурсии как способ углубления и повторения учебного курса // Он же. Исследования и статьи. М., 1981. С. 91.

мог прочно отложиться, его элементы не могли еще приобрести между собой органической связи»²⁶.

В результате был предложен и опробован третий способ, когда музейные экспозиции используются для повторения, систематизации, закрепления материала. А. В. Бакушинский рассказывает об одном удачном опыте. Наиболее способным ученикам второго класса реального училища, после прохождения темы «Древний Египет» изъявившим желание посетить соответствующий отдел Цветаевского музея, было дано задание подготовить экскурсию на тему «Как у египтян совершалось погребение». Предварительно сориентировав их на некоторые предметы, преподаватель их одних отправил на экспозицию: «Результат превзошел всякие положительные ожидания. Ученики были в восторге от того, что они там «все знают», и что все это так интересно»²⁷.

Совместно был проработан план экскурсии, которая затем была проведена самими учениками, как бы реконструируя погребальный церемониал. Вывод, к которому пришел будущий искусствовед, актуален и сегодня: «Экскурсия должна так связать, объединить, творчески оживить музейный материал, вызвать его на собственный рассказ о себе, чтобы учащиеся достаточно сильно почувствовали за музейной витриной биение пульса подлинной, давно угасшей жизни, чтобы ее многообразный и многоцветный поток хоть на короткое время захватил бы их внимание, вызвал бы ответные сходные переживания. Необходимо, как в видении у пророка, чтобы разбросанные сухие, мертвые кости собрались, покрылись плотью, превратились в живых людей. Непременным условием всякого подлинного глубокого понимания исторического прошлого является его переживание»²⁸.

Примерно к тем же выводам пришел и И. М. Гревс, чей опыт итальянских экскурсий многократно рассматривался историками²⁹. Аудитория студентов Санкт-Петербургского университета и учащихся Высших женских курсов позволила так организовать предварительное изучение места, что семинарская работа, основанная на предварительном изучении источников в архивах и библиотеках, превратила поездку из учебной в научно-исследовательскую. Главным предметом совместного исследования была биография городов. Именно тогда был открыт «методический прием» первоначального осмотра города с высокой точки, который позже получит у москвича Н. А. Гейнике название «подъем на вышку»³⁰.

Посещение музеев также входило в план итальянских поездок И. М. Гревса в 1907 г. Эти посещения организовывал Д. В. Айналов, уже тогда бывший признанным специалистом в области византийского искусства. Так, в венецианской «Академии» он «задался целью ввести экскурсантов в понимание древнейшей венецианской живописи. Он остановился на архаических, часто анонимных произведениях, собранных в первой зале музея и

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 94.

²⁸ Там же. С. 95.

²⁹ См., напр.: *Сизинцева Л. И.* У истоков экскурсионного изучения города // Анциферовские чтения. Материалы и тезисы конференции (20 – 22 декабря 1989 г.) Л., 1989. С. 37-39; *Рыженко В. Г.*: 1) Теоретические и методические аспекты культурно-исторического краеведения 1920-х гг. // Известия Омского историко-краеведческого музея. Омск, 1994. Вып. 3. С. 30-36; 2) И. М. Гревс – культуролог, педагог, родниовед // Мир историка: идеалы, традиции, творчество. Омск, 1999. С. 251-269; *Бамбицова К. В.* Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса – основоположника Петербургской школы медиавистики: Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2008; *Ягодковская И. В.* История становления и развития экскурсионного метода в российском образовании. Дисс. канд. пед. наук. М., 2007 и др.

³⁰ *Закс А. Б.* Эта долгая, долгая, долгая жизнь. М., 2000. Кн. 1. С. 234.

дал интересный опыт разъяснения особенностей развития раннего венецианского искусства путем изучения того, как развивались формы и приемы обработки некоторых особенно распространенных (любимых) тем». На примере сюжетов «венчания Богородицы» и «Pieta» «в последовательной группировке образцов и освещении их трансформации слушателям представлено было поучительное упражнение в генетическом методе изучения продуктов художественного творчества»³¹.

Как видим, в отличие от экскурсий тенишевцев, здесь появилась возможность переключиться с «брендовых» произведений на неизвестные, выявить внутреннюю логику развития явления. Результат соответствовал предварительной подготовке аудитории и усилиям «экскурсовода»: живописная традиция позволяла постичь то, что позже Н. П. Анциферов назовет «психологией города». «Прием дал плод, – подводил итоги И. М. Гревс, – Подобные попытки концентрированного анализа именно и зажигали вдохновение, изощряли взор, настораживали внимание»³².

Между тем экскурсионное движение охватывало не только элитные столичные школы, но и всю страну. Этому способствовали циркуляры Министра народного просвещения, который 2 августа 1900 г. отменил прежнее распоряжение 1873 г. о летних работах учеников. Вместо этого были рекомендованы «образовательные прогулки, путешествия или какие-либо полезные занятия и развлечения, возможные при данных условиях»³³. При этом среди прочих «занятий и развлечений» прогулкам и путешествиям отводилось особенное место: «Особое внимание Ваше, Милостивый Государь, – обращался Министр к попечителям учебных округов, – прошу обратить на прогулки и путешествия с образовательной целью, в надежде, что с течением времени, когда опыт даст необходимые практические указания, этим материалом можно будет воспользоваться для выяснения вопроса о том, не следует ли такие прогулки и путешествия ввести в более широких размерах, как средство, способное сделать преподавание в средней школе более живым и наглядным. В виду сего покорнейше прошу Ваше Превосходительство доставлять в Министерство ежегодно сведения об образовательных прогулках и путешествиях и об условиях, в которых они проходили»³⁴.

Позже законодательная база развития школьных экскурсий была дополнена еще одним циркуляром. В нем предписывалось начальникам средних учебных заведений «доставлять начальству Московского Учебного Округа ежегодно и не позднее 1го ноября в двух экземплярах отчеты о предпринятых учащимися, под руководством наставников, экскурсиях, с описанием последних, составленные кем-либо из участников, а также сведения о том, что сделано в учебных заведениях относительно указаний, изложенных в означенном предложении Министерства за № 18 066»³⁵.

³¹ Гревс И. М. К теории и практике «экскурсий» как научного изучения истории в университетах. СПб., 1910. С. 37.

³² Там же.

³³ Циркуляр Г. Министра Народного Просвещения Попечителям Учебных Округов от 2 августа 1900 г. за № 20185 // Школьные экскурсии, их значение и организация / Под ред. Б. Е. Райкова. СПб., 1910. С. 319.

³⁴ Там же.

³⁵ Циркуляр попечителя МНП № 17528 от 1904, 20 августа – начальникам средних учебных заведений МУО «О правильной постановке физического развития учащихся и обустройстве для них образовательных прогулок и путешествий». См.: Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. 429. Оп. 1. Д. 317. Л. 336.

9 марта 1902 г. был введен специальный тариф № 6900 на проезд учащихся, отправляющихся в образовательные экскурсии. Он касался всех железных дорог Российской империи, которые предоставляли школьным группам значительную скидку в вагонах 3 класса, а при проезде на расстояние до 50 км. он вообще был бесплатным³⁶. Некоторые пароходные компании также делали скидки экскурсантам. Собственно, эта практика существовала и в Европе, – именно благодаря подобной скидке и состоялась первая железнодорожная экскурсия Т. Кука.

В то же время в России подготовка поездки требовала оформления большого количества документов, необходимо было предоставлять списки и высылать их заранее губернаторам³⁷, для предварительной проверки благонадежности участников поездки. Поскольку предписание это часто нарушалось, то циркуляр был дополнен еще одним, № 558 от 8 августа 1912 г. – ввиду сообщения Департамента Полиции о замедлении в предоставлении списков, оказывавшихся у губернаторов «иногда даже одновременно с прибытием экскурсантов». Это, по словам циркуляра, ставит местную администрацию «в весьма затруднительные условия в смысле регистрации неблагонадежных лиц, могущих оказаться в числе участников экскурсий»³⁸. Трудно было как организаторам поездок, так и официальной «принимающей» стороне, но это не останавливало ни тех, ни других.

Тот же циркуляр о льготном тарифе в 1909 г. был дополнен еще одним, о правильном применении специального тарифа № 6900, установленного на проезд учащихся в образовательные экскурсии (необходимо было включать в один список только учащихся одного учебного заведения)³⁹. Позже было установлено, что число лиц, сопровождающих ученические экскурсии, иногда превышало число экскурсантов⁴⁰.

Благодаря всему этому на рубеже XIX – XX вв. школьные путешествия в столичные города и исторические центры приобретают такой размах, что власти предпринимают меры, ограничивающие посещение их школьными группами, особенно в дни торжеств, совпадающие со школьными каникулами.

Подобные циркуляры Попечителя Московского Учебного округа предписывают, например, извещать начальство Троице-Сергиевой лавры за 2 – 3 дня о времени экскурсии разных учебных заведений и количестве посетителей, чтобы избежать сложностей с предоставлением помещения и продовольствия. Запрет касался посещений в престольные праздники – Троицу, Успение, дни памяти преподобного⁴¹. Ограничить неконтролируемый поток ученических групп призвана была Киевская экскурсионная комиссия в связи с проведением летом 1913 г. в этом городе Всероссийской выставки⁴² и т.д. Особенно страдали от экскурсионных потоков власти Москвы и Санкт-Петербурга, куда в каникуляр-

³⁶ Долженко Г. П. История туризма в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации: 1696 г. – современность. М.; Ростов-на-Дону, 2010. С. 74.

³⁷ Циркуляр Попечителя Московского Учебного округа № 32 540 от 1911, 21 сентября, «О заблаговременном предоставлении губернаторам списков лиц, отправляющихся в образовательные экскурсии от высших и средних учебных заведений, а также списков городов, кои экскурсанты предполагают обозревать». См.: ГАКО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 334. Л. 109.

³⁸ Там же. Л. 163.

³⁹ Там же. Л. 36.

⁴⁰ Там же. Л. 162.

⁴¹ ГАКО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 334. Л. 64.

⁴² Циркуляр Попечителя Московского Учебного округа № 23 285 от 1913, 7 июня «О создании Комиссии по приему ученических экскурсий при Киевском учебном округе в связи с проведением текущим летом Всероссийской выставки» // ГАКО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 334. Л. 161.

ное время отправлялись школьники всей Российской империи. Именно для того, чтобы регулировать и координировать экскурсионную деятельность и была создана Центральная экскурсионная комиссия при Московском учебном округе. В Санкт-Петербурге эту функцию выполняло Бюро по содействию иногородним экскурсиям средней школы при Санкт-Петербургском родительском кружке⁴³.

Музеи становились неотъемлемой частью таких экскурсий. Так, во время поездки в Москву и в Троице-Сергиеву лавру в 1907 г. ученики костромского городского училища побывали за 4 дня в Историческом, Румянцевском, Политехническом музеях, посетили музей при Строгановском училище «с замечательной коллекцией китайских и японских вещей, Третьяковскую галерею, Зоологический сад, Кремлевские храмы, дворцы, Оружейную палату, храм Христа Спасителя»⁴⁴. Кроме того им удалось посмотреть два театральных спектакля. «Во время пребывания в Москве имелось весьма удобное помещение в Строгановском художественно-промышленном училище, где для экскурсантов готовился прекрасный обед за весьма недорогую плату»⁴⁵.

Подобная чрезвычайно насыщенная программа становилась нормой для экскурсий провинциалов в столицы. К примеру, путешествие в Москву учениц Галичской женской гимназии, предпринятое в 1911 г., по продолжительности составляло 8 дней, но двое суток из них приходились на переезды. За шесть дней пребывания в Москве предполагалось посетить 12 музеев, не считая экскурсии по городу, посещения храмов и театров⁴⁶. В следующем году была организована экскурсия учениц той же Галичской гимназии в Санкт-Петербург. На экскурсию предполагалось затратить 10 дней, из которых 8 отводилось для осмотра достопримечательностей. Программа включала: «в 1 день – Александрово-Невская Лавра; во 2 – Соборы: Казанский, Исаакиевский, Петропавловский и дворцы; в 3 – Монетный двор; в 4 – Императорский Эрмитаж; в 5 – Музей Императора Александра III; в 6 – Стекланный и Фарфоровый императорские заводы; в 7 – Музей Академии Художеств; в 8 – общий осмотр города»⁴⁷.

Однако познавательная ценность путешествия, столь богатого впечатлениями, была довольно низкой: предварительная проработка вопросов истории городов, подготовка к восприятию объектов осмотра не проводились, количество информации было огромным, но воспринять и запомнить все это вряд ли было возможно, тем более, что маршрут никак не был связан с предметами школьной программы. На первый план выходило ощущение того, что соприкосновение с тем или иным памятником, явлением культуры, городом, музеем состоялось – «я там был» ...

Несколько более были подготовлены ближние экскурсии – в Нижний Новгород, Ярославль, Ростов Великий, Переславль-Залесский. Количество объектов осмотра было значительно меньше, пояснения давались преподавателями истории, которым удавалось использовать сведения, полученные учащимися на уроках истории и словесности⁴⁸. В

⁴³ Школьные экскурсии, их значение и организация. С. 273.

⁴⁴ Экскурсия учеников VI класса Костромского Городского училища в г. Москве и Троице-Сергиевой Лавре // Поволжский вестник. 1907. № 326. 6 мая. С. 3.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ГАКО. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 17. Л. 173-173 об.

⁴⁷ ГАКО. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 18. Л. 127.

⁴⁸ ГАКО. Ф. 429. Б/ш. Д. 41. Л. 94 об.; Оп. 1. Д. 371. Л. 1-1 об., 6-7 об., 17-19 и др. Ср.: *Жданов В.* Отчет об экскурсии в Нижний-Новгород // Педагогический ежегодник Костромской общественной мужской гимназии за 1912 – 13 учебный год. Кострома, 1913. С. 152-154.

государственных гимназиях затраты преподавателей на поездку частично восполнялись из средств, полученных в оплату обучения⁴⁹.

Особенно трудно пришлось, когда две следовавших друг за другом революции окончательно смели все сословные преграды, и без того становившиеся все более и более проницаемыми⁵⁰. Если дореволюционный уровень подготовки посетителей музеев предполагал хотя бы какие-то предварительные сведения, если не пропедевтическую проработку маршрута, организацию самого посещения музея, то в 1920-е гг. по ряду причин сильно понизился сам уровень преподавания в школах. А. В. Бакушинский писал в 1919 г.: «Обилие материала, взятое в рамки экскурсии с этой точки зрения чуждой «широкому» посетителю музеев, мало воспитанному эстетически и исторически, порождает весьма опасную для искусства и его творческого воздействия усталость, притупление интереса. И все это вполне естественно. Нагромождаются десятки образов, мелькающих перед утомленным взором экскурсанта-жертвы с кинематографически-кошмарной быстротой <...> Ну, как можно ожидать подлинного эстетического подъема перед тридцатью объектами внимания? Какая психика может выдержать такой опыт безнаказанно?»⁵¹.

Сам искусствовед пришел к практике «молчаливых экскурсий», которые предполагали от трех до пяти объектов показа, предварительную беседу, включавшую задание для экскурсантов, затем молчаливое рассматривание произведений искусства. Все завершалась беседа, призванная подвести итог или скорректировать впечатление⁵².

Большинство экскурсионистов были, по терминологии того времени, людьми «прогрессивно мыслящими», то есть были настроены либерально, и занялись культуртрегерством. Н. П. Анциферов, ученик И. М. Гревса, вспоминал: «В те годы я принадлежал к среде, которая не верила в возможность в бурях гражданских войн большевикам уцелеть. История учила, что всякая революция кончается каким-нибудь термидором, или каким-нибудь брюмером. Однако я [и] мои товарищи и друзья считали своим радостным долгом помочь Советской власти в области культурной революции. “Радостным”, т.к. все мы были охвачены сознанием, живым ощущением пробуждения могучих сил народа <...> Новые люди, нет, не люди, а целые социальные слои хлынули в культуру. Я и мои друзья по Эрмитажному кружку прежде всего смогли предложить свои знания в области музейной и экскурсионной работы»⁵³.

В создававшихся органах Народного комиссариата по просвещению повсеместно создавались Музейные отделы и – в провинции – подотделы. Немногочисленные сотрудники и волонтеры не могли продолжить дело, некогда начатое общественными организациями при учебных заведениях и округах. Они еще могли осуществлять диспетчерские функции, разводя хлынувшие в столицы потоки экскурсантов (создается система экскурсионных станций, как естественнонаучных, так и гуманитарных). Но предоставить неподготовленным «массам» какую-то информационную или методическую помощь поначалу они были не в силах. В этих условиях и создаются Петроградский и Московский экскурсионные

⁴⁹ ГАКО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 328. Л. 56, 106 об.

⁵⁰ Арцыбашев Д. В. История туристско-экскурсионной деятельности в России (Вторая половина XIX – XX вв.). Дис. канд. ист. наук. Курск, 2005. С. 80-92.

⁵¹ Бакушинский А. В. Музейно-эстетические экскурсии // Он же. Исследования и статьи. М., 1981. С. 113.

⁵² Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей: Учебное пособие по музейной педагогике. М., 2001. С. 28-29.

⁵³ Анциферов Н. П. Из дум о былом. М., 1992. С. 407.

институты, – прежде всего как методические центры, призванные подготовить значительное количество экскурсоводов, которые помогут войти неподготовленным экскурсантам в мир природы, культуры и общества.

С первых же шагов вся деятельность по формированию институтов оказалась под идеологическим контролем. Так, возглавившая Петроградский институт Э. В. Краснуха имела значительный партийный стаж и твердокаменную большевистскую убежденность, но с этим считались и мирились. Москвичи и экскурсионисты Петрограда дружили, «угощали» друг друга экскурсиями, совместно издавали сборники. Пытались определить разницу между экскурсионными особенностями столичных школ. Н. П. Анциферов писал: «У москвичей превалирует анализ зрительных впечатлений <...> У ленинградцев – преобладание лекционных моментов»⁵⁴.

Рискнем предположить, что не это было главным. Уже при создании Петроградского института на первый план выдвигались исследовательские функции: «ПЭИ есть высшее учено-учебное учреждение, имеющее целью исследование России путем применения экскурсионного метода»⁵⁵. Именно этим была обусловлена тесная связь (в первую очередь личная) Петроградского института с Центральным бюро краеведения. Но само по себе исследовательское начало трудно поддавалось введению в идеологическое русло, что и привело к разгрому краеведческого движения в СССР в 1929 – 1930 гг. Москвичи же больше были ориентированы на методические моменты, которые поддавались формализации и, как показывает опыт советского экскурсоведения, вполне могли быть использованы на протяжении всех советских лет⁵⁶. Однако, обоснование этого тезиса – предмет другой работы.

Таким образом, можно утверждать, что в России экскурсионное движение не привело к созданию сколько-нибудь значительной инфраструктуры, никого не обогатило – не стало бизнесом, но послужило развитию массового социального туризма. Только называли это явление иначе – экскурсионизм. Ближние и дальние поездки становились элементом учебных курсов.

Неотъемлемой частью таких поездок становилось посещение музеев, к которому учащихся готовили педагоги, включая их в учебный процесс. При посещении малоизвестных столичным жителям провинциальных музеев приезжих, как правило, сопровождали создатели и хранители музеев, специальной должности для ознакомления с музейными экспозициями не существовало. В случае поездок И. М. Гревса со студентами, роль организатора восприятия памятников искусства брал на себя исследователь, специалист в той или иной области.

В первые послереволюционные годы посещение экспозиций вызывало у неподготовленных посетителей культурный шок. Значительно более низкий, чем до революции, образовательный уровень педагогов не позволял им подготовить посетителей к восприятию артефактов. В этой ситуации особое место приобрело умение рассказать об экспонатах, раскрыть их культурный контекст для неподготовленного экскурсанта. Н. П. Анциферов и другие участники «эрмитажного кружка», их коллеги из Русского музея, московские преподаватели пытались отчасти взять на себя функции сопровождения, но их было слиш-

⁵⁴ Там же. С. 409.

⁵⁵ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

⁵⁶ В качестве примера можно привести многократно переиздаваемые пособия Б. Емельянова.

ком мало в потоке, который захлестнул музеи. Экскурсии все более сосредотачивались на предоставлении информации в момент проведения экскурсии. В 1920-е гг. в столицах действовали Московский и Петроградский экскурсионный институты, изучавшие экскурсии как явление, готовившие новых экскурсоводов, но их век был недолог.

В конце 1920-х гг. экскурсионизм, как и краеведение, как и музейное дело, попадает под идеологический пресс и становится инструментом пропаганды.

Информация о статье

Автор: Сизинцева Лариса Ивановна – канд. культурологии, доцент, Россия, Костромской государственной технологической университет, sizpost@yandex.ru

Заглавие: Музеи и отечественные традиции экскурсионизма в первой трети XX в.

Абстракт: В России экскурсионное движение не привело к созданию сколько-нибудь значительной инфраструктуры, никого не обогатило, но послужило развитию массового социального туризма. Ближние и дальние поездки становились элементом учебных курсов. Посещение музеев становилось неотъемлемой частью таких поездок. В первые послереволюционные годы посещение экспозиций вызывало у посетителей культурный шок. В этой ситуации особой место приобрело умение рассказать об экспонатах, раскрыть их культурный контекст для неподготовленного экскурсанта. Экскурсии все более сосредотачивались на предоставлении информации. В 1920-е гг. в столицах действовали Московский и Петроградский экскурсионный институты, изучавшие экскурсии как явление, готовившие новых экскурсоводов.

Ключевые слова: музей, образование, экскурсия.

Information on article

Author: Sizintseva Larisa Ivanovna – Candidate of Culturology, Associate Professor, Russia, Kostroma State Technological University, sizpost@yandex.ru

Title: Museums and Russian traditions of excursionism in the first third of the XXth century.

Abstract: Excursionism in Russia in the first third of the XX century was not a business. It did not make anybody rich neither did it lead to broad social tourism. Short and distant excursions became a part of special educational courses. In the first post-revolution years any exposition just caused a cultural shock to unqualified visitors. In that situation it became important to be able to explain the exhibits and their cultural context to people. Still before the revolution in the 1920th in Moscow and St. Petersburg (then called Petrograd) there were short time special institutions which studied excursions as a phenomenon, and trained new specialists.

Key words: education, excursion, museum.